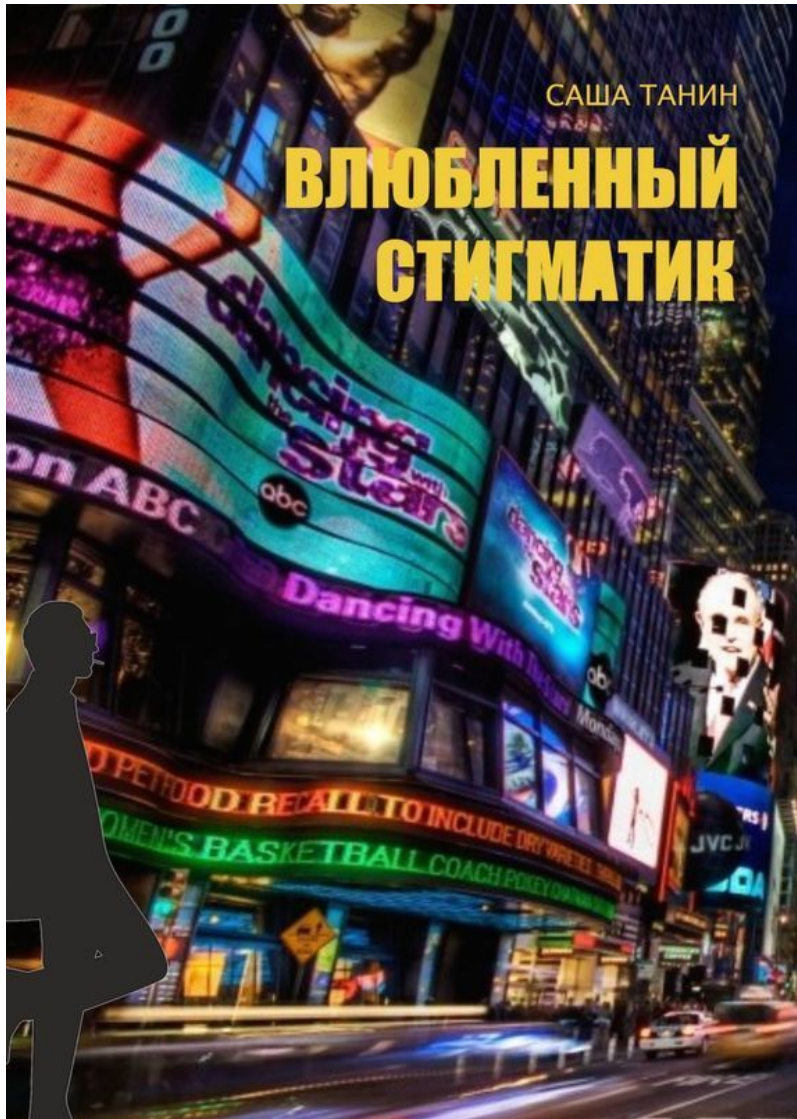


САША ТАНИН

ВЛЮБЛЕННЫЙ СТИГМАТИК



Саша Танин

Влюбленный стигматик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9307062

ISBN 978-5-4474-0589-2

Аннотация

Что может потерять человек, у которого ничего и так не было? Смешиваясь с толпой в американском мегаполисе, герой ищет последнее, за что можно зацепиться в этой жизни, чтобы не свалиться в пропасть. Когда нет карьеры, семьи, остается призрачный шанс на любовь. К чему приведут его поиски и размышления?

Содержание

Заход	5
Ода папаше	7
Критик	11
Причины	15
Семеро черномазых	18
Чистюля	22
Такая тяга	25
Дикая страсть	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Влюбленный стигматик

Истории с рисунком

Саша Танин

*Подражательство – единственно верный путь
для начинающего писателя.*

Рэй Брэдбери

© Саша Танин, 2015

© Валерий Люшаков, дизайн обложки, 2015

© Алиса Зражевская, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Заход

Первая страница книги – это определяющий момент в знакомстве читателя с писателем. Это как слоган в рекламе какого-нибудь презерватива; это как слова пакистанца на рынке о том, какой у него замечательный товар; это как первая улыбка незнакомки, и ты уже представляешь какие трусики у нее под юбкой; это как пузырьки и пена в стакане пива, и понятно что оно холодное и вкусное, и его хочется.

Не будем усложнять, и давайте начистоту: первая страница – это призыв! Если он сработал, значит, у автора будет какой-то шанс. Если читатель засомневался, есть у него на эту книгу время или нет, то он откроет еще страницу где-то на середине, чтобы удостовериться найдется ли там для него подходящий слог, метафоры, в общем, все то, что цепляет изначально в книге. Чувство смакования. А чтобы уже наверняка решить, так можно и в конец заглянуть: будет там подвох или нет. Так, делает большинство, если автор не раскручен и ранее неизвестен. Такой вот метод. Впрочем, музыку и фильмы тоже перематывают.

Пусть эти строки и будут той самой страницей. Я сажусь, и начинаю писать. Встаю в длинную очередь из писателей,

которые надрываются и пытаются обрести славу и признание. Они талдычат про свою жизнь и хотят чтобы их поняли, заплатив в книжном магазине за их строки. Я пишу и жду своей очереди. А когда она подойдет, я буду умолять покупателя, свесить мне еще времени, потому что всегда остается что-то более важное, что ни сделано, ни высказано и не написано.

Не весь ваш С. Т.

Ода папаше

Как молодые юнцы поклоняются и радеют за звезд футбола и попсы, я замороженно смотрю за каждым действием бородатого и стареющего итальянского футболиста. Каждое движение точно как у мастера, как у портного нитка в ушко уголки проходит, так точно проходит его пас... ох, как же он хорош. Его прозвища: профессор, архитектор, маэстро. Жаль что он не мой отец. Мне так хочется иметь своего отца с таким прозвищем. Ведь я тот у кого его нет, один из многих, сотен, тысяч, и миллионов.

Говорят, что был, но сплыл.
Где же ты, папаша призрак,
Пропил?
Почему бы тебе не найти меня, а?
Ссышь, своего пацана?!

Мне так нужен ты! Особенно сейчас, когда мне уже сорок лет. Когда нет друзей, и наличие их как ценность явно преувеличена. Ведь завтра вы уже можете не разговаривать ввиду политических разногласий, или потому, что я полапал его жену, или он решил уехать в другой город. Расстояние жестоко, как и время. Никаких шансов.

Если бы ты был рядом, ох...

И чем я, мелкий и слепой комочек, был так плох?
Или мать моя тебе не подошла?
Ну?! Чего молчишь, кусок дерьма!

Тот ублюдок, что выдавал себя за тебя, мне не очень нравился. Отчим, который был неплох для моей мамы, мне не подходил. Советы он давал одни и те же, дескать, надо вкалывать и вкалывать, а не бездельничать. Какого хрена он мне говорил это, в мои четырнадцать лет? Рановато, мне показалось, он начал давить с советами. Как считаешь?

Может, ты бы сказал то же самое, но я бы тебе поверил и последовал. Отцовская власть сделала бы свое дело, и я бы покорился тебе, моему папаше: я бы терпел хлысты твоего ремня на своем перманентно красном задѹ, держал бы твой суровый взгляд на себе, отводил бы глаза, когда ты бил пьяным мою мать. На следующее утро – это все бы, конечно, забывалось.

Все это, за тебя делал чужой мне человек. И я помню каждый такой день. Каково, а? Не давит ли на тебя эта вина, отец? Как ты мог позволить, кому-то бить своего сына, и женщину, которая его тебе родила...

Он и кормил нас, вместо тебя. Не стыдно, па?

Ох, папа! Я бы все забыл, если бы ты был рядом. Время стерло бы все прошлое. Я часто желаю того, чего у меня нет. Все желают именно так. Зачем желать то, что есть?

Тот мужик, отчим, он катал меня на своем мотоцикле. И он, впервые, дал мне порулить автомобилем. Но, ты должен был быть моим героем. А тебя нет, и я равняюсь на чужого человека – создаю культ личности. Не то что бы я геронтофил, но я смотрю за этим старым футболистом...

Взгляд его полон мудрости,
Движения спокойны и холодны,
Он не бежит от бывлой глупости
Стоит на опыте, как все должны.

Передались ли мне твои привычки, повадки, и прочее на генном уровне? Я сейчас такой как ты в свои сорок лет? Что у меня есть от тебя?

Ох, папа... где же ты, старый козел
Куда ушел? Кого в свой новый дом привел?
Кого трепишь по макушке улыбаясь?
Другого не вспоминая, в старом кресле качаясь.



Критик

После бассейна, я сидел на прогнувшейся лавке от влажности, чистил пятки, и украдкой поглядывал на накаченную задницу одного придурка. Должно быть, парень часто ебется. Его задница была как у тех пидоров с французского подиума, на показах коллекции одежды от таких же, только богатых и уже немолодых. У первых задница крепкая, как орех, а у вторых морщинистая как его скорлупа. Задница – вот мерило.

Наверно мой папаша здорово ей шевелил туда-сюда, так разогнался и выстрелил, что из полумиллиарда своих конкурентов я добрался до цели первым. Остальные братья и сестры сперматозоиды недотянули. Моя первая победа благодаря отцовскому заду.

Качок выдавил из бутылки гель, и начал растирать его по своему телу. Он стал похож на фигурку из крема, как на свадебном торте. Я смотрел на него, взявшись наконец за вторую пятку. Чертовы пятки, как засохшая земля были в трещинах. О, они многое повидали. Я смотрел на него и думал об этом морально-разложившемся мире: эти парни накачивают свою жопу анаболиками, красуются перед зеркалом в спортзале и думают что они крутые. Чертовы нар-

циссы. На что они способны?! Думают что как Арни, после «Терминатора» прыг и в губернаторы? Хрена с два, это просто еще один вид эгоцентриков. Чего ради наращивать такую грудку мышц? Чтобы майку в обтяг натянуть наверно, и покрасоваться перед бабенкой или страху нагнать на улицах, на каких-нибудь бедняг.

Возможности тела. Я понимаю.

В душевую зашла еще пара качков, по восемь кубиков на каждого.

Такие типы, то и дело сгибают руки в локте и проверяют свой бицепс. Ставлю десятку, что у них по всему дому расставлены зеркала, а когда кто-то из них ебет свою маленькую подружку, то любит свою жопой. С настоящей женщиной такие не справятся. Она их сожрет.

Я свалил из душевой, когда чуваки начали обсуждать что-то. Никогда не понимал этих «мужских» посиделок в раздевалке с побритыми яйцами.

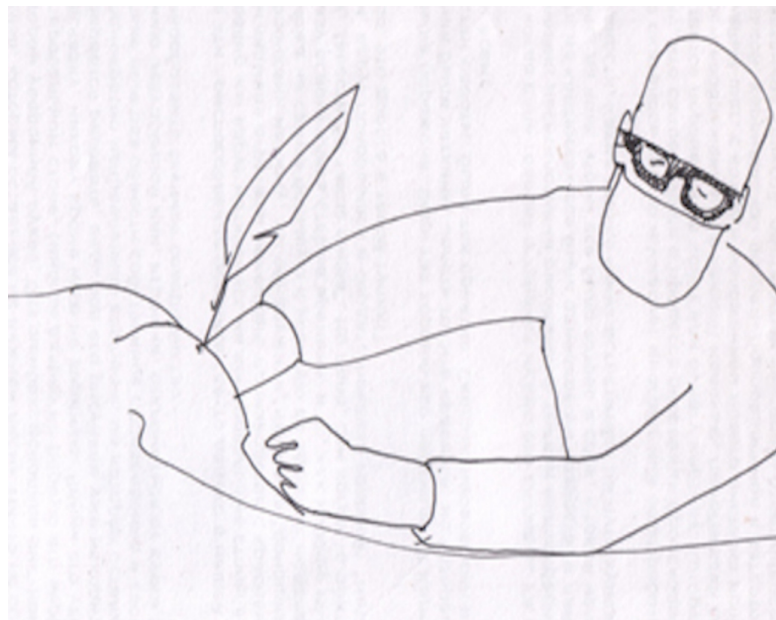
Обвязавшись полотенцем вокруг живота, я встал на весы. Минус фунт. Что же, неплохо думаю я и вспоминаю тут же оказывается, я перед занятиями сбросил немного в туалете. Вот черт. Весу во мне было, двести тридцать злых фунтов,

и это при моем коротком росте. Хренов шарик на ниточках. Надо прекращать пить пиво.

– До свидания! – сказала миленькая девчонка за стойкой ресепшен.

Я ничего не ответил, вышел на свежий воздух и закурил. Надо было выпить. Разумеется, для начала сойдет и пиво. В двух кварталах маячила вывеска бара. Пошарив в карманах, обнаружил перспективу на три кружки темного. Уж куда лучше кружки поднимать чем эти железяки.

Надо было посидеть, все толком обдумать насчет работы.



Причины

Все из-за Кортни. Женщины, черт бы их побрал. Мы встречались с ней, когда мне было одиноко. Она не была проституткой или шлюхой. Просто очередная повернутая девица – скорая помощь для мужиков идиотов.

Мы познакомились с ней в одном баре. Она агрессивно танцевала у игрового автомата, словно хотела чтобы с ней тоже поиграли, поиграли с ее попкой, а следом она бросала это занятие и вяло пила свой коктейль за стойком. Она повторяла так несколько раз. Скучала.

Я пялился на нее все это время. На ней были узкие голубые джинсы, которые подчеркивали ее длинные и худые ноги, и рубашка, завязанная узлом у пупка. Пупок был украшен пирсингом. Наконец, я подвалил к ней и вместо того, чтобы угостить ее выпивкой и пригласить к себе, я вяло попросил номер ее телефона и сообщил ей свое имя. Она взяла ручку у бармена, с легкостью нацарапала цифры на салфетке и гордо отвалила на выход. Иногда не нужно усложнять, чтобы понравиться кому-то.

Похоже, она рассчитывала на большее внимание. Липовый номер, подумал я.

Но, когда я ей позвонил, она сказала что узнала меня, ну, или сделала вид что узнала. Мы встретились через неделю после той встречи в баре. Ее звали Кортни. Рыжая бестия с манящим задом и запоминающимся носом с горбинкой.

Приятно когда женщина тебя понимает. Она не стала мне мешать, раздевать ее. Она просто сидела и болтала.

Странная девчонка. Она разговаривала со мной даже в тот момент когда я лежал на ней, ерзая туда-сюда. Просто сексуальный психолог какой-то. Кортни никогда мне не отказывала. Всякий раз когда я ей звонил, она говорила что придет. И приезжала.

Мы пили, трахались, и все время говорили. Я не имел понятия чем она занималась, есть ли у нее кто-то из мужчин, и черт знает какой ветер носился у нее в голове. Мне показалось что она психически нездорова. Трахаться и разговаривать о разных вещах это в ее стиле. Мы говорили о многом. Она говорит, я слушаю, и на наоборот.

Она умела болтать, слушать и хорошенько давать.

Дело тут в том, что она не берет больше трубку телефона, и не приезжает ко мне. Вот такие дела. Может, она и была

Шлюхой, да только мне неважно.

Я набрал номер своего друга, Лестера.



Семеро черномазых

Раньше я редко просыпался раньше обеда, только когда приходилось подрабатывать. Ну, например таскать на горбу всякие мешки. А мешки иногда были тяжелые – набиты цементом под завязку. Или лопатой как конвейером приходилось орудовать. Я линял с такой подработки буквально на следующий день, когда спину не мог разогнуть.

И вот, в очередной раз, когда в жизни наступает момент, когда надо оторвать свой зад от теплой постели, что не так то просто сделать, и вы не хуже меня это знаете, ну особенно те кто не привык работать физически.

Короче, наступает момент когда, тебе нужны бабки.

Лестер, вчера замолвил за меня словечко на стройке. Работа говно, но каждый блядь прораб мнит себя властелином, феодалом ебанным над рабами. В общем, за тебя еще и поговорить надо, чтобы тебе работу эту дрянную дали. Рекомендации – сегодня это важно в современном мире. Всем нужны какие-то гарантии. Если у вас отличная жопа и рекомендации, то вы фаворит на этих бешеных скачках жизни.

Надо идти подумал я, в противном случае в постели долго

никого не будет. Женское тепло так и не появится. Стимул есть в общем.

Идем значит с приятелем. Нет, не идем, а плывем, как говно. В толстых куртках и ватных штанах. Мой приятель вообще-то художник. Гений чтоб его. Но картины его в какой-то момент перестали покупать, агенты ссылались на то что, сейчас другие тренды в искусстве, в фаворе импрессионизм. А его постмодернизм нахуй никому не нужен. Это нытье реального мира никого не волнует. Всех почему-то начала ебать история. Ну а денег Лестер конечно не скопил, а те что скопил уже давно пропил. У него тоже есть стимул.

До места пара километров. Шли молча. Как на казнь.

На проходной, старикан сторожила, посмотрел на нас усталыми глазами и открыл нам дверь. Мы вошли на территорию. Базу, как ее называют. Вот уж блядь не подумал бы что это моя база, моя база дома с членом в женщине, печатаной машинкой и стаканом.

Моя база эта удача и фарт. Ведь я уже много лет живу на подарки от Бога.

Навстречу нам быстрым шагом, двигался человек. Он одет был в чистую теплую куртку, на голове была бейсбо-

ла, позади себя он оставлял следы от рабочих сапог. Вот он, двоедушный прораб.

– А, привел?! – говорит он

Лестер, кивнул.

– Значит так, – начал босс, – есть работа на складе, погрузка-разгрузка

Мы оба скривились.

– И на яму, кабель прокладывать.

Тут же кивнули.

– За мной идите, господа гении, – сказал он ухмыльнувшись.

Плюнул сука в нас.

У ямы толпилось еще человек пять, пятеро афро. И мы двое.

Прораб рассказывал что надо делать. Мы не слушали.

Когда он ушел, Лестер сказал:

– Пошли в фургон, он и сам сейчас туда придет. Он наш. Его турнули полгода назад из университета.

– Работать не будем сегодня? – спрашиваю

– Ну только стаканы поднимать.

Мы заржали и поплелись.

Чистюля

Каждый раз, бывая у Лестера в гостях, я видел идеальную чистоту, доведенную до блеска и аккуратно разложенные предметы, будто по линейке. Обстановка такая меня настораживала. Дом без эмоций.

Холостой мужик, так педантично относящийся к порядку, мне кажется человеком ненормальным. Чехов как-то писал: «если человек не курит и не пьет, поневоле задумаешься, а не сволочь ли он». Когда он онанирует (а онанируют все, это я вам как мужик со стажем заявляю), готов поспорить, что кончает на белую салфетку, а потом аккуратно и брезгливо ее сворачивает, спускает в унитаз и сплевывает в него. Лестер неплохой парень, он старается изменить свою жизнь, навести в ней порядок, обрести стабильность.

Мы разные с моим приятелем. Этот парень, в прошлом кинул на баксы человек десять наверно, я же окружен стеной из кредиторов.

В моем же доме, перманентно заводился беспорядок. Но, один раз в две недели, я судорожно хватался за наведение чистоты, после чего обычно становилось пусто внутри меня. Лестера, похоже, такое ощущение не тяготило. Уборка

происходит после нескольких дней пьянства, когда дом переполнен воспоминаниями и грязью пропитых дней. Лестер старается пить меньше, будет отличным мужем и станет отцом года.

Когда я вспоминаю своих женщин, Лестер своими воспоминаниями делится неохотно. Я помню каждую эту историю, я любил их всех, помню размер груди и цвет глаз, где и в какой позе мы трахались. Мужчина пишет всегда для женщины.

Последнее время я пребывал в одиночестве. В одиночестве страдаем, в одиночестве умираем.



Такая тяга

Каждый раз, пробуждаясь после короткого и беспокойного сна, я ждал солнца свет. Прошло много времени с того дня, когда я последний раз видел и чувствовал солнце. Кортни.

Сливаясь с нависшей серой плитой, уже не чувствуешь ничего. Пустота.

Вечером я решил прогуляться до лавки с алкоголем.

– Как всегда? – продавец сухо приветствует меня, когда будто он носил мое тяжелое серое пальто и потом продал его мне.

А мне чего вырядаться, – если на душе грязно, – то модной одежкой это дело не исправишь.

– Нет. Сегодня возьму две. По радио передали, что завтра будет снег.

Я достал смятые купюры, передал ему, развернулся, и загремев бутылками пошел к дому. Во дворе, шумела вечерняя детвора; играли в футбол. Я остановился, достал бутылку,

и отвернувшись от глаз соседей, стыдясь, сделал несколько глотков. Вдруг в меня влепился мяч, я поперхнулся и едва не уронил от испуга свои запасы.

Один мальчик двинулся было ко мне за мячом, но я остановил его жестом, делая знак, что сейчас отдам им мяч. Взяв в руки мяч, я улыбнулся игрокам. Ребята уже начали кричать на меня в нетерпении. Я пару раз набил и отдал пас самому маленькому. После чего ввязался в игру вместе с ними, с юношеским задором. Взрослея, мужчина всегда остается ребенком. Ребенком, которому нужна любовь и тепло.

Запыхавшись, я упал на промозглую землю, и ребятня навалилась на меня гурьбой. Я улыбался. Спустя пару минут, не вынося тяжести, добрым криком разогнал их, и мальчишки вернулись к игре, а я продолжал лежать под небом, расправив ноги и руки в стороны, как звезда, которая ищет отражения в других звездах.

Много времени стерто из моей жизни, думал я. Без малышки Кортни мой дом замер, и часы встали на половине шестого. Она должна вернуться начал твердить я себе. Лежу, разглядываю фонарный столб, в свете которого я увидел первый снег. Надеюсь, завтра подадут чертово отопление, подумал я. А то ведь я холодный как труп в морге. Кто мы без любви?



Дикая страсть

С женщинами у меня по-разному выходило. Была у меня подружка одна, Натали. Молоденькая такая, лет двадцати, или что-то типа того. А сиськи уже как в тридцать пять, после беременности. Сама шоколадная такая вся. В общем, не все так просто скажу я вам. Все никак у меня с ней не клеилось, ну в плане, что сучка эта не давала мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.